УДК 321.01

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ПРОТЕСТНЫХ ДВИЖЕНИЙ

Давыдов Дмитрий Александрович,
Российская академия наук,
Уральское отделение,
Институт философии и права,
аспирант,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

Аннотация
В статье рассматриваются процессы формирования протестных политических идентичностей (на примере российской оппозиции). Некоторые аспекты данных процессов, по мнению автора, могут быть объяснены с позиций теоретического подхода «экономики идентичности» Дж. Акерлофа и Р. Крэнтон. Наша цель – адаптировать и дополнить экономическую теорию идентичности применительно к специфике ситуаций политического протеста.

Ключевые понятия:
политическая идентичность, теория рационального выбора, экономика идентичности.

В настоящее время в теории политической идентичности утвердился конструктивистский подход, одними из авторов которого являются П. Бергер и Т. Лукман [2]. Согласно социальному конструктивизму, политическая идентичность есть то, что агенты «открывают» в процессе бесчисленных коммуникаций [10, с. 23]. Повседневно взаимодействуя, индивиды формируют социальные смыслы, с которыми впоследствии отождествляют себя. Причем социальные и политические агенты – это совокупности социализированных индивидов, характеризующихся приверженностью тем или иным нормам и ценностям. Приверженность нормам и ценностям, в свою очередь, приводит к формированию «индивидуального социального опыта и... совокупности социально-психологических качеств личности» [4, с. 1390].

Ранее [5] мы попытались представить альтернативную концептуализацию политической идентичности, исходя из теоретических предпосылок экономики идентичности Дж. Акерлофа и Р. Крэнтон [11] и теории социального капитала Дж. Коулмена [6; 7]. В нашей интерпретации политическая идентичность – не бессознательно формируемый конструкт, но нечто, созидаемое сознательно рациональными агентами, преследующими свои интересы.

Идентичность является системой социальной категоризации – системой принципов и категорий, на основании которых индивиды делят социальное пространство на «нас» и «других». Предполагается, что данная система (при условии взаимного согласия и перманентного поддержания) помогает индивидам действовать совместно и достигать коллективного блага. За последнее отвечают следующие функции идентичности. Во-первых, так как идентичность (в нашей интерпретации) формируется разными индивидами, преследующими свои интересы, то основная функция идентичности – это поиск «общего основания» для объединения. Индивиды согласуют общий интерес, и от «прочности» согласия зависит, будет ли группа единой или нет. Во-вторых, идентичность помогает членам группы предсказывать возможные действия и настроения друг друга, что необходимо при координации тех или иных совместных действий. В-третьих, идентичность – это ориентир в сложном социальном пространстве, разделенном на «нас» и «других». Иными словами, идентичность при таком подходе перестает быть чем-то определяющим поведение индивидов и становится произведением совместных усилий агентов, стремящихся к согласованному действию.

Инвестиции в политическую идентичность предполагают наличие гибкой коммуникативной системы, благодаря которой индивиды могли бы оперативно согласовывать свои интересы, а также разрешать внутригрупповые конфликты, приходя к компромиссу. Данной стратегии не противоречат реалии *символической политики*, коль скоро умелое оперирование символами и знаками может являться необходимым *методом* конституирования единства на ментальном уровне, а также способом распознавания «своих» (знаки, символы, флаги и пр.).

Цель настоящей статьи – углубить данный подход и сделать шаг в сторону конкретики. Здесь мы попытаемся акцентировать внимание на ситуациях *политического протеста* (на примере российской оппозиции). На наш взгляд, процесс возникновения протестных идентичностей может быть описан и объяснен с помощью математического языка равновесных состояний.

Работа выполнена в контексте *полипарадигмального подхода*. При таком подходе предполагается, что «социальная реальность как таковая может быть описана по-разному, и любая теоретическая модель представляет собой "всего лишь" интерпретацию, попытку осмыслить ее под определенным "углом зрения", выделяя некие свойства социальной реальности как значимые, но оставляя за рамками внимания другие свойства» [9, с. 15].

* * *

Выборы в Государственную Думу РФ VI созыва, прошедшие 4 декабря 2011 г., мгновенно спровоцировали рост негативных настроений граждан по отношению к действующей власти. Последовали многочисленные массовые митинги и демонстрации, многие из которых в г. Москве насчитывали сотни тысяч участников (24 декабря 2011 года – на проспекте Сахарова, 4 февраля 2012 год – на Болотной площади и т.д.).

В качестве оснований протеста указывали на недоверие к правящей партии «Единая Россия», недемократичность выборов и фальсификацию их итогов. Выборы Президента России 4 марта 2012 года только усугубили ситуацию, когда 6 мая 2012 г. многотысячный митинг на Болотной площади завершился беспорядками.

Относительно данных процессов мы отметим факт возникновения единой *протестной идентичности*. Новое протестное движение объединило в себе большую часть оппозиционных группировок – от националистов и коммунистов до умеренных либералов. Символом оппозиционного движения стала *белая лента* и белый цвет в целом. Если посмотреть на панорамные фотографии митинга на проспекте Сахарова (24 декабря 2011 г.), то сразу же становится приметной такая расстановка: повсеместна белая символика (флаги, ленты, белые шары), но заметны также контрастирующие «отделения» из флагов, казалось бы, не представимых в едином ряду протестного движения. В одном месте видны черно-желто-белые флаги националистов, в другом месте сосредоточены флаги либералов из «Солидарности», чуть дальше – флаги партии КПРФ и т.д.

Возникает вопрос: что побудило столь разнородные силы объединиться? И не только объединиться, но еще *мыслить* себя в качестве единой политической силы («оппозиция»), с единой политической символикой («белая лента»)?

Конечно, здесь может возникнуть резонное возражение: имеем ли мы дело с идентичностью? И можно ли (и необходимо ли) образование столь временное, противоречивое и хрупкое соотносить с тем, что должно иметь внушительную протяженность в пространстве-времени, ведь идентичность в психологическом смысле – это еще и состояние неизменности, внутреннего единства образа «Я» [12]. В пользу данного тезиса свидетельствует то, что сегодня протестное движение вновь вернулось к своему «фрагментарному» состоянию. Последнее свидетельствует о спаде оппозиционных настроений в целом. На данный момент (сентябрь 2013 г.) внимание общественности приковано, в основном к фигуре А. Навального («Дело «Кировлеса», выборы мэра г. Москвы и т.д.).

На данное возражение можно ответить в духе постмодернизма: нет ничего подлинно единого в социальном мире, и даже те силы, которые являются составляющими «комплексной» идентичности, при детальном рассмотрении также окажутся комплексными. Всякую социальную группу можно представить в виде совокупности индивидов, чьи персональные идентичности представляют собой множества *идентификационных наслоений* (в политологии в последнее время утверждается также термин «идентификационные матрицы» [8, с. 22]). Индивиды стремятся к порядку, а потому упорядочивают свои предпочтения, волей-неволей создавая упрощающие маркеры: «Я коммунист», «Я либерал», «Я консерватор» и т.д. и т.п. В то же время, к примеру, фразу «Я коммунист» можно разложить на совокупности других устойчивых переплетающихся фраз, могущих «от индивида к индивиду» как совпадать, так и не совпадать: «Я сторонник справедливос-

ти», «Я противник рынка», «Я противник западных ценностей» и т.д.

То есть, говоря о социальных идентичностях, мы неизбежно имеем дело с упрощениями, поэтому идентичность протестующих видится временной и нестабильной, но нет никаких оснований говорить о том, что мы имеем дело не с идентичностью. Тем более, как было отмечено, в нашей схеме решающую роль играет *относительное* постоянство принципов социальной категоризации. Неважно какой временной промежуток (век, год, месяц и т.д.) это постоянство охватит – главное, чтобы этот промежуток времени соотносился с достижением цели, в связи с которой та или иная идентичность обретает смысл.

Итак, движение «белой ленты», на наш взгляд, обладало *идентичностью*, но зачем нам здесь экономическая методология? Может ли экономический подход раскрыть нечто, чего не может раскрыть, например, теория социального конструктивизма? Напомним, вся феноменологическая традиция в социологии и политологии, частью которой является теория социального конструктивизма, направлена на выявление коллективно разделяемых *смыслов*. Но тогда нельзя ли объяснить объединение столь противоречивых по своему существу групп мощным набором субъективных смыслов, который и оказался «связующим звеном»? Этими смыслами могли бы являться «несправедливость выборов», «наступление на гражданские свободы», «неприятие власти», «отсутствие сменяемости власти» и т.д.

Данная стратегия полезна в том смысле, что она позволяет качественно раскрыть мотивы поведения. Однако в таком случае мы лишь принимаем на веру один из вариантов. Социальный конструктивизм оказывается «теорией, объясняющей все», но одновременно не являющейся фальсифицируемой. Если бы события развивались по противоположному сценарию (протестные движения выражают неприязнь как к действующей власти, так и *друг к другу*), то мы вновь могли бы объяснить здесь все разделяемыми смыслами: «различия между изучаемыми оппозиционными движениями слишком велики» и т.д. и т.п. Причем данная ситуация виделась бы стороннику конструктивизма очевидной, предсказуемой и не имеющей альтернатив при данном «наборе смыслов».

Наш подход, напротив, исходит из постулата о том, что наблюдаемая ситуация – это возможный *расклад* («один из»). Идентичность – это не просто наборы разделяемых смыслов, возникших бесконтрольно, но также совокупный результат *локальных* стратегий отдельных агентов. Причем мы не утверждаем, будто бы то, что получилось с идентичностью «белой ленты», есть лучший для самих протестующих результат. Возможно, что «объединительная» стратегия подвела протестующих своей неразборчивостью: инкорпорирование в единое оппозиционное движение представителей радикальных группировок породило проблемы с провокациями на митинге 6 мая 2012 года, которые послужили причиной дискредитировавших все оппозиционное движение («Болотное дело») стычек с представителями правоохранительных органов, и т.п.

Конечно, если мы желаем опираться на экономический инструментарий, то избавиться от идеализаций невозможно, коль скоро здесь необходима модель, при которой индивиды были бы рациональны и информированы. Тем не менее смысл такой идеализации состоит вовсе не в том, чтобы модель подстроить под описание реальности, а в том, чтобы оценить возможные от нее отклонения. В реальности индивиды зачастую встают перед необходимостью установить сложнейший компромисс между большим числом агентов в условиях нехватки времени и информации.

* * *

В своей статье «Идентичность и экономика организаций» [1] Дж. Акерлоф и Р. Крэнтон предлагают небезынтересную концептуализацию зависимости инструментальной полезности, извлекаемой из денежного дохода работника той или иной организации, и полезности, связанной с идентичностью. Согласно авторам, не только материальные блага могут стимулировать рабочих к производительному труду, но также *идентификационные* факторы. Иными словами, индивиды не всегда стремятся максимизировать исключительно инструментальные аспекты своих интересов. Важны и те аспекты, которые связаны с *личностной самореализацией*. Индивиды желают максимизировать меру соответствия реального поведения идеальным образам идентичности. Как утверждают Дж. Акерлоф и Р. Крэнтон, «при осознании идентичности работники готовы усердно трудиться даже при задании слабых денежных стимулов» [1, с. 109]. Данный тезис, к примеру, может объяснить тот факт, что при условии низкой оплаты труда российские преподаватели и ученые в совокупности своей не стремятся менять профессию, так как это может сильно навредить другим, нематериальным, аспектам полезности, связанным с личностной самореализацией в терминах социально одобряемых практик «идентификации с просвещенной средой».

Акерлоф и Крэнтон предлагают следующую формулу общей полезности:

$$U(y, e; c) = \ln(y) - e + Ic - tc\,|e^*(c) - e|,$$

где *U* – уровень полезности работника; *y* – его доход; *e* – уровень прилагаемых усилий; c – социальная группа, с которой отождествляет себя работник; *Ic* – полезность, которую он получает, просто относя себя к категории *c; e*(c)* – «идеальный» уровень усилий для категории *c*; *tc|e*(c) – e|* – издержки (потери полезности), сопряженные с отклонением от *e*(c)*.

Мы обращаемся к данной модели в связи с тем, что некоторые идеи, изложенные американскими теоретиками, могут быть применены к построению равновесного уравнения, описывающего ситуацию межгрупповой интеграции путем конфигурирования новой идентичности.

На наш взгляд, индивиды приходят к решению установить протестную идентичность исходя из возможных выгод и издержек интеграции. С одной стороны, интеграция с другими группами может привести к численному росту протестного движения, что, скорее всего, положительным образом отразится на способности протестного движения влиять на политическую повестку дня (ln(y))* , так как митинг, состоящий из сотен тысяч участников, видится более весомым и примечательным.

Кроме того, нужно также учесть, что идентичность складывается из двух основ: определение «других» и определение «нас». Поэтому переменная ***Ic***, предложенная Акерлофом и Крэнтон, в нашей схеме разделяется на *Ia* и *Io. Ia* – это полезность, извлекаемая индивидами от отождествления с группой по принципу *общности «других»* («от противного»); *Io* – полезность, связанная с ощущением *внутригруппового* единства – *общности «нас»*.

Всегда положительное значение переменной *Ia* будет либо не меняться, либо возрастать по мере присоединения к протестной группе других групп при условии, что новые члены разделяют общий образ «других». В нашем случае – это согласие агентов по поводу того, что действующая власть наступает на демократию, нарушает права и свободы граждан, способствует фальсификации выборов и т.д. и т.п. Значение *Ia* всегда положительно постольку, поскольку включение в группу еще большего числа самых разных участников сильнее убеждает членов группы в инаковости «других»: срабатывает положительный эффект причисления массовости движения актам проявления «народной воли».

С другой стороны, значение переменной *Io* всегда отрицательно и стремится в пику гетерогенности от значения, близкого к нулю, к отрицательной бесконечности постольку, поскольку не существует полностью гомогенных социальных образований. Очевидно, что для укрепления и воспроизведения идентичности требуется также некое «сущностное ядро», или п*озитивное начало*: «мы не просто стремимся к победе над "другими", но еще и несем что-то в себе». Данное «в себе» есть совокупность *конструктивных предложений*. Здесь, на наш взгляд, неизбежно возникновение «концептуальных» проблем у большинства массовых протестных движений; и ситуация усугубляется по мере численного расширения протестных групп, что неизбежно влечет за собой учащение внутригрупповых конфликтов при ответе на вопрос «кто мы?».

Конечно, взаимную неприязнь можно и необходимо пытаться устранять желанием прийти к взаимному *компромиссу*, а поэтому «идентификационные» издержки внутригрупповых разногласий будут суммироваться с физическими издержками ***(e)***, требуемыми для организации протестных акций и поддержания диалога внутри группы.

Если принять остальные факторы как несущественные, то формирование протестной идентичности, подобной идентичности «белой ленты», можно описать с помощью уравнения:

$$\ln(y) + Ia = |Io| + e,$$

которое раскрывает тактику балансирования между необходимостью в пространственном увеличении группы и необходимостью в поддержании относительного внутригруппового единства предпочтений.

В нормальном состоянии физические выгоды от объединения протестных групп несопоставимы с их разнородными интересами. Тем не менее всякое противоречие может быть сглажено логикой «у нас есть общий враг». Тогда, если этот «общий враг» становится особенно значимым, объединение не только возможно, но может оказаться также устойчивым.

Заметим, речь идет не только об идентичности как о факторе, влияющем на политическое поведение, но также о влиянии чисто *инструментальных* факторов на построение идентичности. Еще одним благоприятным

*Функция натурального логарифма здесь также применима, если принять субъективную полезность от протестных действий в качестве аналога полезности от роста материального благосостояния.

фактором создания протестной идентичности может служить снижение трансакционных издержек *(е)*. Сюда можно отнести распространение коммуникационных технологий сети Интернет как метода координации протестных действий (что, видимо, было существенным фактором в событиях Арабской весны).

Но перейдем к еще одному аспекту. Да, идеальная модель может служить ориентиром, однако реальное положение дел часто предопределяется наличием огромного множества альтернатив и н*ехваткой времени и ресурсов*, которыми располагают агенты. Вполне реальна ситуация, когда выбор состоит из двух равносильных альтернатив, которые могут привести к абсолютно противоположным результатам. Это расширяет пространство для практической оценки тактик и стратегий инвесторов в идентичность.

Постепенное «затухание» оппозиционного движения можно объяснить отчасти неумелой *политикой идентичности*. По некоторым оценкам, лидеры оппозиции (да и, в общем-то, рядовые оппозиционеры) были попросту не готовы к столь резкому всплеску оппозиционных настроений [3]. Но более существенно то, что лидеры все же смогли найти консенсус в определении «другого», однако соседство радикальных движений и умеренных либералов привело к возникновению актуальных вопросов по поводу определения «нас». Несовместимость предпочтений явно прослеживалось 6 мая 2012 года, когда одна часть блогосферы пестрила призывами к революции, а другая не одобряла беспорядки. В конце концов «незаконные» коннотации окутали все движение. Следовательно, просто определить группу через «другого» недостаточно – необходимо еще уметь находить *внутренние* основания единства.

Однако и здесь не все ясно окончательно. Возможно, что существующий сегодня разлад в стане оппозиции продиктован не столько противоречивостью предпочтений, сколько поведением лидеров. К примеру, созданному Координационному совету оппозиции, противостоит Экспертный совет оппозиции, куда вошли те, кто не был избран в первый. Является ли эта ситуация проявлением идейных разладов, или же дело в неудовлетворенных амбициях лидеров?

Подобных примеров можно найти немало – все они говорят о том, что локальные действия агентов отражаются на совокупном результате в виде показателя устойчивости системы категоризации, называемой *идентичностью*. Если это так, то идеальной модели становится недостаточно: она описывает вектор движения, но не архитектонику «подводных камней».

Идентичность теперь предстает еще и в виде *социального капитала*. Дж. Коулмен считает, что социальный капитал «включает в себя множество различных составляющих, которые характеризуются двумя общими свойствами: они, во-первых, состоят из нескольких социальных структур, и во-вторых, облегчают определенные действия акторов внутри структуры, будь то индивид или корпорация» [6, с. 124]. Социальный капитал есть нечто, имеющее *место и цену*: им обладают или не обладают конкретные агенты в конкретных ситуациях.

* * *

Итак, обращаясь к метафорике рационального поведения, мы тем самым акцентируем внимание на новом аналитическом инструментарии: протестная идентичность не рассматривается более в качестве безальтернативного места «пересечения смыслов». Идентичность – это то, что помогает индивидам действовать коллективно в зависимости от возможных выгод и издержек от единения друг с другом. Идентичность не всегда задается изначально, но является продуктом *сознательной* деятельности по координации интересов, регулируемой логикой максимизации субъективной полезности.

Экономика идентичности объясняет феномен межгрупповой протестной интеграции необходимостью в численном росте группы, а также полезностью, извлекаемой индивидами от осознания общности «других» и перекрывающей издержки внутригрупповых разногласий.

Тем не менее в реальности зачастую оказывается, что агенты ошибаются или, например, переоценивают потенциал согласованного действия в «расширенном» составе. Поэтому наш исследовательский фокус может быть ориентирован поиском ответов на вопрос о том, как те или иные распространенные ходы и решения в области созидания коллективных идентичностей влияют на меру успешности политического протеста как такового.

1. Акерлоф, Дж., Крэнтон, Р. Идентичность и экономика организаций // Российский журнал менеджмента. 2010. № 2. С. 107–130.

2. Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

3. Бешлей, О. Три месяца протеста: чего добились? Оценивают наблюдатели, активисты, блогеры // Новое время. 2012. № 9.

4. Виноградено, Г.Г., Фролова, И.В. Социализация, интернализация, идентичность: диалектика взаимосвязи // Вестник БашГУ. Том 16. 2011. № 4. С. 1389–1391.

5. Давыдов, Д.А. Политическая идентичность: теория рационального выбора как альтернативный подход к концептуализации // Вестник Пермского университета: серия «Политология». 2012. № 4. С. 79–84.

6. Коулмен, Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121–139.

7. Коулмен, Дж. Экономическая социология с точки зрения теории рационального выбора // Экономическая социология. Том 5. 2004. № 3. С. 35–44.

8. Назукина, М.В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. Пермь, 2010.

9. Панов, П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. М.: РОССПЭН, 2011. 230 с.

10. Панов, П.В. Концепция сообщества и исследование политики // Вестник Пермского университета: серия «Политология». 2008. № 2. С. 19–30.

11. Akerlof, G.A., Kranton, R.E. Economics and Identity // The Quarterly Journal of Economics. 2000. Vol. CXV. № 3. С. 715–753.

12. Tajfel, H. Individuals and groups in social psychology // British Journal of Social and Clinical Psychology.1979. Vol. 18. № 2. С. 183–190.

---

1. Akerlof, Dzh., Krjenton, R. Identichnost' i jekonomika organizacij // Rossijskij zhurnal menedzhmenta. 2010. № 2. S. 107–130 (Russian).

2. Berger, P., Lukman, T. Social'noe konstruirovanie real'nosti: traktat po sociologii znanija. M.: Medium, 1995. 323 s. (Russian).

3. Beshlej, O. Tri mesjaca protesta: chego dobilis'? Ocenivajut nabljudateli, aktivi-sty, blogery // Novoe vremja. 2012. № 9 (Russian).

4. Vinogradenko, G.G., Frolova, I.V. Socializacija, internalizacija, identichnost': dialektika vzaimosvjazi // Vestnik BashGU. Tom 16. 2011. № 4. S. 1389–1391 (Russian).

5. Davydov, D.A. Politicheskaja identichnost': teorija racional'nogo vybora kak al'-ternativnyj podhod k konceptualizacii // Vestnik Permskogo universiteta: serija «Poli-tologija». 2012. № 4. S. 79–84 (Russian).

6. Koulmen, Dzh. Kapital social'nyj i chelovecheskij // Obshhestvennye nauki i sovre-mennost'. 2001. № 3. S. 121–139 (Russian).

7. Koulmen, Dzh. Jekonomicheskaja sociologija s tochki zrenija teorii racional'nogo vy-bora // Jekonomicheskaja sociologija. Tom 5. 2004. № 3. S. 35–44 (Russian).

8. Nazukina, M.V. Regional'naja identichnost' v sovremennoj Rossii: tipologicheskij analiz. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata politicheskih nauk. Perm', 2010 (Russian).

9. Panov, P.V. Instituty, identichnosti, praktiki: teoreticheskaja model' politiche-skogo porjadka. M.: ROSSPJeN, 2011. 230 s. (Russian).

10. Panov, P.V. Koncepcija soobshhestva i issledovanie politiki // Vestnik Permskogo universiteta: serija «Politologija». 2008. № 2. S. 19–30 (Russian).

11. Akerlof, G.A., Kranton, R.E. Economics and Identity // The Quarterly Journal of Eco-nomics. 2000. Vol. CXV. № 3. S. 715–753 (English).

12. Tajfel, H. Individuals and groups in social psychology // British Journal of Social and Clinical Psychology.1979. Vol. 18. № 2. S. 183–190 (English).

UDC 321.01

THE ECONOMIC MODEL OF IDENTITY AS EXEMPLIFIED BY POLITICAL PROTEST MOVEMENTS

Davydov Dmitry Alexandrovich,
Ural Branch of Russian
Academy of Sciences,
Institute of Philosophy and Law,
Postgraduate Student,
Ekaterinburg, Russia.
E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

Annotation
The article considers the processes of protest identities formation (as exemplified by Russian opposition). In our view, some aspects of these processes can be explained in terms of «identity economics» approach (G. Akerlof and R. Kranton). Our purpose is to adopt the economic theory into specific area of political protests situations.

Key concepts:
political identity,
rational choice theory,
identity economics.